

Анатолий Бондарук: «Мы всегда можем себе позволить работать и довести дело до конца»

Анатолий Бондарук

Анатолий Моисеевич Бондарук родился 21 марта 1958 года в г. Казатин Украинской ССР. В 1981 году окончил Ростовское высшее военное командное училище им. Главного маршала артиллерии М. И. Неделина (военный инженер по радиоэлектронике), а в 1989 году — Военную академию им. Ф. Э. Дзержинского.

В период с 1976 по 1994 год служил в НИИ ракетных войск МО СССР (г. Юбилейный Московской области). После ухода в отставку в 1997 году работал в должности генерального директора нефтехимической группы «Селена». С 2005 по 2008 годы Анатолий Бондарук — генеральный директор ОАО «Полиэф» (г. Благовещенск, Башкортостан). С 2008 по 2010 год — президент ЗАО «Группа Селена». В 2010–2011 годах — председатель Торгово-промышленной палаты Башкортостана. В 2011 году избран депутатом Государственного Собрания Республики Башкортостан (Курултай), а 15 марта 2011 года назначен сенатором в Совете Федерации РФ, где является заместителем председателя Комитета СФ РФ по обороне и безопасности.

А. Бондарук имеет ученые степени кандидата экономических и кандидата технических наук. Женат, воспитывает двух дочерей и сына.

Анатолий Моисеевич, что заставило вас, военного инженера, в 1994 году заняться экономикой и промышленным производством? Скрытая мечта?

— В 90-х годах нас выгнало «в поле» безденежье в вооруженных силах. Нам перестали платить зарплату, и нужно было на что-то жить. Вот и все. Началось с элементарной перепродажи полимеров. Мы получали полимеры на основе давальческих схем, при этом вникали в технологию, знакомились с заводами. Быстро поняли, что нужно собственное производство. Тем более что база есть — приличное инженерное образование, которое я получил в военном училище.

Первым проектом стала переработка пластмасс. В те годы все продавали полимерно-высокого давления или, по-другому, полиэтилена низкой плотности. Потом поняли, что продаем слишком много, пора производить. Так появился завод

«Королёвская упаковка» — по названию города Королёв, в котором жили. В то время мы стали единственными, кто производил отечественные семислойные плёнки. Сейчас это предприятие занимается выпуском упаковки для пищевой продукции.

Сколько времени вы созрели для следующего производственного проекта?

— Прошло довольно много лет, потому что новый проект появился в 2004 году. Мы выросли, пора было строить большой завод, и по предложению Рахимова Муртазы Губайдулловича решили приобрести «Полиэф», первый российский полиэфирный комплекс, строительство которого было заморожено много лет назад.

Между Уфой и Королёвым довольно большое расстояние. Как вы попали в Башкирию?

— Мы работали с Башкирией, Татарстаном, Иркутской областью, Ангар-

ским заводом полимеров, Белоруссией. Практически со всеми предприятиями-производителями полимеров. Тем более, офицерское прошлое расстояний не видит.

В начале 2000-х вы провернули настоящую военную операцию, когда на глазах у «официальных» претендентов «Лукойла» и «Сибур» купили этот комплекс. Скажите, сколько времени планировалось мероприятие, был ли постоянно действующий штаб?

— Ну, во-первых, никакого штаба не было. Просто держали информацию в тайне. В результате никто не ожидал нашего появления. Проблема в другом. Когда был приобретен актив, со стороны наших конкурентов были контрмеры, выходящие за рамки закона и этики ведения бизнеса. Это самое негативное воспоминание о проекте, а работать, конечно, можно было и с «Лукойлом», и с «Сибуром».

Потом были строительство и запуск. Сегодня это кажется просто. А в то время существовало много неопределенностей. Но главное — дело было доведено до конца. Безусловно, без поддержки правительства поднять этот проект было бы невозможно, и поддержка эта ощущалась в полный рост. При этом мы ведь пришли не на пустое место. Там был коллектив, полторы тысячи человек работало, точнее, на тот момент числилось. Но это были специалисты, люди, которые понимали, что нужно делать.

В то время строительный комплекс в республике был достаточно сильный. Одновременно на строительной площадке работало до шестидесяти двух подрядных организаций. Интересное было время. Нужно было управлять сложнейшим процессом, ежедневно принимать решения. В моей жизни это наиболее яркие страницы.

Став собственником предприятия и увидев, как все происходит, буквально через месяц решил возглавить процесс. В соответствии с существовавшим бизнес-планом ввода первой очереди терефталевой кислоты должны были строить около полугода и потратить два миллиарда восемьсот миллионов рублей. Ну, может быть, и потратили бы. Но когда я забрал право первой подписи себе и лично руководил всеми процессами, мы справились за пять месяцев и потратили на семьсот миллионов рублей меньше.

Ошибка в расчетах на 25 %?

— Это одна из проблем, которая существует в обществе, в госкомпаниях. Это завышение смет, это... не буду называть вещи своими именами.

В каждом российском регионе действует от 45 до 50 федеральных структур, которые надзирают в разных сферах деятельности.

Анатолий Моисеевич, но разве не любой инвестор, государственный или частный, зарубежный или российский, заинтересован искусственно повысить себестоимость, чтобы как можно дольше не показывать прибыль и не платить налог на прибыль? Почему, тем не менее, за рубежом стоимость капитальных объектовкратно меньше наших? Вы же не скажете, что в Европе более совестливые бизнесмены?

— Я вам скажу так. В целом любой предприниматель, любой инвестор хочет работать по законам того государства, в котором он работает: платить налоги,

Общее число членов Совета Федерации (сенаторов) — 166. По два представителя от каждого субъекта России, которых насчитывается 83. В настоящее время Республику Башкортостан представляют Анатолий Бондарук и Рафаил Зинуров

По данным Росстата, в 2013 году одновременно с прекращением роста промышленного производства в России наблюдалось снижение инвестиционной активности. Госслужащие составляют 30 % экономически активного населения страны

За 2013 год импорт сельхозпродукции, сырья и продовольствия увеличился на 3,7 % по сравнению с 2012 годом и составил 41,9 млрд долларов. В 2014 году для развития сельских территорий из федерального бюджета планируется направить 170 млрд рублей

Промышленная площадка ОАО «Полиэф», 2008 год

как говорят, и жить спокойно. При этом при составлении бизнес-планов все это учитывается. И если проект интересен, безусловно, инвестор вкладывает деньги. Если он неинтересен, то в него деньги не вкладываются. Есть проекты, которые необходимы государству. Чтобы инвестор приходил, государство должно создавать привлекательные условия.

К примеру, в каждом регионе российском от 45 до 50 федеральных структур, которые надзирают в разных сферах деятельности. Многие из них надзирают за деятельностью промышленных

шилось с четырех миллионов до трех с половиной — благодаря введению увеличенной ставки налогов, сборов на малый и средний бизнес. У нас идет стагнация производства, снижение темпов развития, и так далее, и так далее. Мы стали говорить о том, как бы нам урезать наши расходы. И вот начинаем урезать по всем статьям. Я спрашиваю: ребята, а может быть, доходы начнем повышать?

Кстати, вот пример. Новый премьер-министр Италии заявил, что его задача не снижение затрат, а увеличение доходной части. Очень грамотное высказывание.

В России 80 % банкротств предприятий инициирует налоговая инспекция.

предприятий. Экологи, Ростехнадзор, пожарные и так далее. У меня была ситуация, когда в Подмоскovie строили завод. Мы никак не могли пройти пожарников, хотя были уверены в соблюдении всех норм. В итоге завод почти два года не вводился в эксплуатацию. Чиновничий беспредел — наше главное зло. Потому что нелогично, когда человек, получающий жалование за счет налогов налогоплательщиков, делает все, чтобы этот налогоплательщик не платил налоги.

Я, может быть, немножко отвлекусь. В России 80 % банкротств предприятий инициирует налоговая инспекция.

Вы знаете, наверное, что за последний год, это господин Шувалов президенту нашей страны докладывал, количество предпринимателей умень-

Если говорить о бюджете нашей страны — все прекрасно знают, что половина дохода складывается за счет реализации сырья, тридцать пять процентов — таможенные доходы и пятнадцать процентов — крупный и мелкий бизнес, который практически незаметен в составе бюджета. При этом если взять бюджеты развитых стран, то в Японии половина бюджета — доходы от малого и среднего бизнеса. У нас огромные резервы кроются в малом и среднем бизнесе. Но, тем не менее, на него никто не обращает внимания. И до сих пор слова «инвестиционная привлекательность», «деловой климат» — всего-навсего слова.

Сейчас наблюдается обвал рубля. Что происходит? Мы, формируя бюджет за счет продажи природных ресурсов, наполняем казну долларами, которые

затем превращаем в рубли. Эти рубли тратятся, в основном, на социальные нужды, на огромную армию людей, не занятых в реальных производствах. Бюджетники идут в магазин и покупают импортные продукты. Так осуществляется круговорот валюты в природе.

Только сельхозпродукции, продуктов питания мы закупаем в год на сорок миллиардов долларов. Это десятая часть федерального бюджета. Я не говорю об автомобилях, мебели, одежде...

Возьмите Китай. Ведь один из прорывных моментов в его развитии было то, что они начали работать на собственное потребление. Если бы наши четырнадцать триллионов, которые имеем в федеральном бюджете, мы потратили бы на внутреннее потребление, то из этих четырнадцати благодаря мультипликативному эффекту выросло гораздо больше, и были бы уплачены огромные налоги, и деньги работали бы в стране. Вообще сильная экономика продает свои товары за национальную валюту. Тогда она сильная. Поэтому пока не заместим импорт, эффективной экономика не будет.

Когда вы начали строить завод строительных материалов, то не ставили своей целью замещение импорта? Вы делали продукцию сугубо для внутреннего потребления...

— Да. Это другая история. Когда строили «Полиэф», обратили внимание, что для теплоизоляции труб требуется минеральная вата, которой нет в регионе. И построили такой завод. Сегодня Башкортостан потребляет в год более 120 тысяч тонн минеральной ваты. Наше производство имеет годовую производительность 70 тысяч тонн.

Весь объем ваты продаете в Башкирию?

— Нет. Продаем в Башкирию процентов пятнадцать.

Очень интересно. Видимо, в других регионах минвата продается дешевле, чем у вас?

— Нет, там она дороже. Но в российской практике часто принято покупать там, где дороже. Мы уже говорили об этом.

Минеральную вату вы стали выпускать, потому что нужно было теплоизолировать трубы. А сельским хозяйством почему занялись? Вам было нечего есть?

— Сначала это была в основном нагрузка. Нас попросили помочь семи СПК, которые оказались банкротами, имели задолженность и не имели права на существование. Не было ни техники, ни желания у людей работать. Мы оплатили все долги, выкупили доли этих предприятий, создали одно, приобрели новую технику, оборудование, чтобы возделывать землю. И занимаемся этим пять лет. Не от того, что хотелось кушать.

Промышленная площадка ОАО «Полиэф» на этапе строительства в 2005 году. Компания «Селена» в 2005 году стала владельцем акций ОАО «Полиэф», строительство которого законсервировали еще в 1989-м, и фактически заново отстроила это предприятие

Спустя 15 лет после начала строительства и после 7 месяцев специальной подготовки было запущено первое производство российской терефталевой кислоты на ОАО «Полиэф». В марте 2007 года контрольный пакет акций завода перешел к ООО «Отечественные полимеры», совместному предприятию «Лукойл-Нефтехима» и «Сибур». В 2011 «Сибур» году довел долю в «Полиэфе» до 83 %

Завод теплоизоляционных материалов «Агидель». Завод выпускает базальтовые утеплители Baswool. Мощность предприятия 10 тонн минеральной ваты в час. На предприятии работают 300 человек

То есть сельское производство — ваша гуманитарная миссия. А бывает ли бизнес в этой отрасли?

— Я бы сказал, что сельское хозяйство можно вести только в очень жестких условиях экономии, дисциплины, культуры производства, агрономических сроков и так далее. И государственной поддержки. К примеру, в прошлом году предприятие получило ущерб от засухи 54 млн рублей, а помощь от государства была в размере 4 млн рублей. При этом на поддержку производителей в условиях засухи выделяются миллиарды. Мне на это один руководитель в Совете Федерации ответил с трибуны: наша задача распределить деньги на федеральном уровне, а дальше не наши проблемы. Поэтому мы так и живем. Поэтому и покупаем на полтора триллиона рублей продукции из-за рубежа.

Маленькая Голландия, где ни земли, ни погоды, ни людей, как у нас, нам поставляет столько, что съесть не можем. На один гектар земли фермер получает субсидий от государства в нашей валюте около 18 тыс. рублей. Наш производитель получает 200 рублей на гектар. Даже в Хабаровске.

Что вы выращиваете у себя?

— Зерновые, кормовые культуры, более семи тысяч голов крупного рогатого скота. Мясокомбинат, комбикормовый завод и откормочник. Самодостаточное предприятие. Единственное, нет пока собственной переработки молока. Но это вопрос недалекой перспективы.

Складывается впечатление, что вам безразлично, что строить и что продавать.

— Ответу на этот вопрос так: в каждом производстве есть входное сырье, технология и готовая продукция, надо просто отследить каждый этап. И все. А с высоты птичьего полета все производства одинаковые.

То, что мне приходилось заниматься то полимерами, то полиэфирами, то минералами или химией... так сложилось по жизни. Конечно, удобнее заниматься одним делом всю жизнь.

Вам бы хотелось?

— Не знаю. Но если вышло так, я не жалею о том, что делаю.

Какое направление будет следующим?

— Как говорят, война план покажет. Может быть, совершенно отличающееся от тех, которые сегодня. Если на то будет желание. Потому что самое страшное, что может быть в бизнесе — это отбить желание работать.

Где предел терпения человека, если человек — бизнесмен?

— Вообще, если говорить о бизнесе, то, как говорят, бизнес должен на трех ки-

Анатолий Боондарук на заседании Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, 2014 год

тах стоять. Первый кит — должно быть выгодно вести бизнес. Второй — комфортно. И третий — безопасно. Если хотя бы одного нет, ситуация неустойчивая. И бизнес не ведется.

Наш типичный чиновник говорит, а если не говорит, то думает: «Я вам ничем помочь не могу. А вот помешать у меня есть столько возможностей, что вы даже не представляете».

Поэтому лишний раз хочу сказать, уж коль мы говорим на эти темы: в нашей стране основная проблема в том, что не созданы условия для развития предпринимательства.

Типичный российский чиновник говорит: «Я вам ничем помочь не могу. А вот помешать у меня есть столько возможностей, что вы даже не представляете».

Вы знаете, всего один процент людей может заниматься созданием с нуля бизнес-процессов. Учитывая то, что в нашей стране 60–70 млн трудоспособного населения, предприимчивых людей среди них 600–700 тысяч человек. Ну, если брать «в крупную клетку», то пол-миллиона человек в состоянии с нуля создать свое дело. Я не говорю о четырех миллионах зарегистрированных фирм, из которых за год осталось три с половиной миллиона, а именно о тех, кому талант вести бизнес дан от природы.

Если мы скажем, что из этих пяти-сот тысяч человек сто пятьдесят сидят в тюрьме по всяким преступлениям, то у нас либо бизнесом могут заниматься только преступники, либо занятие бизнесом — это преступление.

Анатолий Моисеевич, ответьте на вопрос, который всех волнует. Падение темпов роста производства, сокращение количества малых предприятий, резкое повышение

курса иностранной валюты — объективные признаки кризиса. Как человек, который пережил 1998 год, 2008 год, находясь в бизнесе, вы эти признаки определяете лучше, чем кто-либо другой. Будет ли кризис в 2014 году?

— Он уже идет. И кризис не мировой, а внутренний. Потому что у нас нет объективных предпосылок для развития.

Какие ваши прогнозы на кризис? Все будет как в 2008-м?

— Как ни странно, похожих кризисов не бывает. Все они разные. Если мы будем поддерживать только банки, а не

реальный сектор, не производственные предприятия, которые выпускают импортозамещающую продукцию, то количество банкротств увеличится, отчисления в бюджеты всех уровней уменьшатся, жизнь станет хуже. Хотя говорят, когда рубль падает, экспортеры получают большую выручку. Но это экспортеры и их не так много.

Я сейчас фантазирую о нереальном, но как — моментально, за год, увеличить количество реальных производств? Допустим, у нас появилась возможность принять подряд несколько законодательных актов, которые привлекут инвестиции.

— Чудес не бывает. Принятие любого закона требует времени на то, чтобы люди в этом законе пожили, поняли, что и как. Это во-первых. Во-вторых, разрушить можно в один день. Создать в один день невозможно. Но кое-что мы можем. Мы всегда можем себе позволить работать и довести дело до конца. ■